

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

УДК 316

ПАРАДИГМЫ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
СТРАТЕГИИ В СОЦИОЛОГИИ

PARADIGMS AS THE
METHODOLOGICAL
STRATEGIES IN SOCIOLOGY

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент Российской академии наук; главный редактор журнала «Социологические исследования»; декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного Университета; главный научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва, e-mail: zhantosch@mail.ru

Toshchenko Zhan T.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Editor-in-Chief of «Sociological Research»; Dean of the Faculty of Sociology, Russian State Humanitarian University; Senior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: zhantosch@mail.ru

Автор исходит из идеи о том, что логика построения понятийного аппарата социологии выстраивается в зависимости от того, какой аспект социальной реальности выступает предметом анализа, являясь основополагающим понятием в парадигмах социологического знания. Сторонники парадигмы социологического реализма, для которых исходным понятием (категорией) были «общество» или его производные («системы», «структуры», «институты» и др.), отдавали предпочтение объективным показателям, подчиняя жизнь людей таким независимым переменным, как экономический и политический строй общества. Последователи же парадигмы социологического номинализма преувеличивали значение субъективного фактора, абсолютизи-

The author proceeds from the idea that the logic of creation of the conceptual apparatus of sociology is depended on what aspect of social reality is the subject of the analysis, as a fundamental concept in the paradigms of sociological knowledge. The supporters of sociological realism paradigm for which the original concept (category) is the society or its derivatives (systems, structures, institutions, etc.), preferred objective indicators, bringing peoples' lives under the control of such independent variables as economic and political structure of society. The followers of the nominalism sociological paradigm exaggerated the importance of the subjective factor, absolutized its ability to influence the society. The essence of sociological constructivism is that it analyzes and interprets social reality taking into account all its diversity.

ровали его возможности по воздействию на общество. Суть же социологического конструктивизма состоит в том, что он анализирует и интерпретирует социальную реальность во всем ее многообразии. Автор делает вывод о том, что такой подход образует новую теоретическую концепцию – социологию жизни, органически сочетающую в себе реально функционирующие взаимоотношения общества и человека.

The author concludes that this approach constitutes a new theoretical concept - the sociology of life which organically unites the really functioning relations of the society and the human.

Ключевые слова: парадигма, категория, общество, социология, реализм, номинализм, конструктивизм.

Keywords: paradigm, category, society, sociology, realism, nominalism, constructivism.

Длительное время в социологической науке доминировали две основные парадигмы – социологический реализм (объект – общество) и социологический номинализм (объект – человек, личность) [1]. В конце XX в. стала интенсивно развиваться еще одна социологическая парадигма – конструктивистская (объект – социальная жизнь во всем ее многообразии). В соответствии с этим в каждой парадигме структура, уровни и понятийный аппарат социологии зависят от той методологической стратегии, которая ориентируется на свое особенное толкование объекта и предмета социологии как науки.

Социологический реализм

Становление социологического реализма как методологической установки относится к истокам возникновения социологии как науки, когда ее ориентация на парадигму «общество» была доминирующей. Эта традиция восходит не только непосредственно к О. Конту и Г. Спенсеру – почти все труды социологов XIX в. следовали этой ориентации как основной при анализе проблем общественного развития.

Нужно отметить, что и в российской социологии долгое время следовали установкам социологического реализма, который исповедовали не только исследователи второй половины XIX – начала XX в. М.М. Ковалевский, Л.И. Мечников, Н.И. Кареев и др. (здесь я не касаюсь специфики и особенностей их толкования сущности и содержания социологии), но и многие ее представители более позднего времени [2]. В дальнейшем, в XX в., эта точка зрения претерпела ряд изменений, когда общество предстало в виде социальных структур, социальных систем, социальных институтов и других формализованных его элементов. В XX в. социологический реализм нашел свое воплощение в нескольких концепциях.

Во-первых, это структурный функционализм Т. Парсонса (1902–1979), опирающийся в своих поисках на идеи Спенсера. Базовой является идея социального порядка, который олицетворяет стремление поддержать равновесие системы, координировать ее структурные элементы, добиться согласия между ними [3]. Наиболее наглядно и отчетливо суть современного социологического реализма выражена в совместных работах Т. Парсонса и Э. Шилза, когда они во главу своего анализа ставили общество, а затем посредством анализа его сущности, функций и компонентов «спускались» до человека.

Вместе с тем данная теория вскоре была подвергнута критике, которую впоследствии частично признал и сам ее создатель – Т. Парсонс. Дело в том, что структурный функционализм фактически отвергал идею развития, призывая к поддержанию «равновесия» внутри существующей системы, согласованию интересов различных структур и подсистем. Такой вывод был сделан на основе анализа общественного и государственного устройства США, которое Парсонс считал эталоном и стабильность которого расценивал как большое достижение [3].

Совершенствовать структурный функционализм был призван неоеволюционизм. Т. Парсонс в совместной с Э. Шилзом работе «К общей теории действия» осуществил заметный сдвиг от анализа структур к анализу функций. Кроме того, он обратился к проблеме человека и пытался объяснить процесс усложнения социальных систем через возрастающую дифференциацию функций, выполняемых индивидами. Однако попытки улучшить структурный функционализм идеей эволюции свелись к использованию идей системного анализа и приданию культуре роли независимой переменной [4].

Во-вторых, к социологическому реализму следует отнести созданную Р. Мертном (1910–2003) теорию социальных изменений, когда он, пытаясь преодолеть метафизичность структурно-функционального подхода, ввел понятие «дисфункция», т.е. заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели. Этим он пытался ввести в функционализм идею развития (изменения), но он ограничил ее «средним» уровнем – уровнем конкретного социального процесса [5]. Идея социальных изменений вызвала к жизни необходимость поиска причинно-следственных связей. Поэтому социологами были предприняты попытки найти их, что реализовалось в разработке и применении в анализе нескольких видов детерминизма – от биологического и технологического до экономического.

В-третьих, традицию рассматривать общество, но с иных позиций, с позиций критики функционализма продолжили несколько направле-

ний в развитии социологической мысли. Особое место в этой критике заняла Франкфуртская школа в Германии, что нашло отражение в ряде трудов ее представителей [6].

В определенной мере эту критику представлял и структурализм во Франции, который развивали М. Фуко (1926–1984), К. Леви-Стросс (1908–2009) и др. Основной подход этой теории состоит в определении частей общества, выявлении их функций в таком объединении, которое складывается в картину общества как органического целого. Именно отсюда вышел М. Фуко, который стал одной из наиболее значительных фигур в социологической мысли. Главные категории его концепции связаны с выявлением содержания господствующей идеологии и причин радикализации поведения, а также условий формирования социальных движений и акций протеста. При этом для него было важно не выявление системных детерминант в их последовательности, а понимание того момента, что все трансформации сконцентрированы в господствующих общественных отношениях, по его мнению, властных [7].

В-четвертых, в рамках социологического реализма продолжает свое развитие неомарксизм, нашедший отражение в трудах Г. Маркузе (1898–1979), Ю. Хабермаса (1929), Р.С. Миллса (1916–1962) и М. Буравого (р. 1930).

В-пятых, с конца 1980-х гг. в мировой социологии начала созревать новая ситуация, которая ознаменовалась тем, что были выдвинуты концепции, претендующие на более широкое и глубокое осмысление и характеристику происходящих изменений в обществе и мире. Особый вес приобрели глобалисты, претендующие на то, чтобы объяснить всё происходящее в мире с геэкономических, геополитических, транскультурных позиций. Эта идея наиболее предметно и наглядно выражена в мир-системной концепции И. Валлерстайна (р. 1930). По его мнению, единицей анализа социальной реальности являются исторические системы, связи между ними, их функционирование и изменение. Он оперирует понятиями «геокультура», «модерн», «всеобщая история человечества», «равновесие систем» [8].

Современные теории глобальной политической системы продолжают разрабатывать Дж. Модельски, Дж. Гольдстайн, исследующие войны и экономики как детерминанты длинных волн и циклов гегемонии. У. Бек (1944–2015) связывает с глобализацией свою концепцию космополитической социологии [9].

В-шестых, значительное распространение получили теории нового институционализма. Информационная революция, компьютер и Интернет придали импульс сетевым идеям, появившимся в социологии в

ходе развития теории социального обмена (Р. Эмерсон, Б. Уэлман). Сетевые социальные теории (Х. Уайт, Б. Латур, М. Каллон) интегрировали (включили в себя) и человеческий фактор, в частности в форме концепции «актор – сеть» [10, 11]. В отечественной социологии эти идеи представлены в трудах С.Г. Кирдиной [12] и А.Г. Эфендиева [1].

В-седьмых, социологический реализм нашел свое специфическое воплощение в концепции исторического материализма. Этому подходу и объяснению следовали и официальные руководители общественной науки в СССР, когда социология вступила на путь своего возрождения. В статьях и выступлениях П.Н. Федосеева, Ф.В. Константинова, Д.И. Чеснокова постоянно воспроизводилась мысль, что именно исторический материализм является теоретической и методологической основой социологии, а конкретные эмпирические исследования – лишь поставщик некоторых данных для обоснования и подкрепления выводов о закономерностях общественного развития. Кстати, надо отметить, что в этот период получила официальное одобрение и поддержку точка зрения Парсонса – Мертона – Лазарфельда, которые трактовали социологию как состоящую из трех уровней – общая теория, так называемый средний уровень, конкретные исследования. Такой подход устраивал ревнителей исторического материализма и давал возможность объяснить соединение теории (исторического материализма) с эмпирическими исследованиями [13].

Определенной модификацией этого подхода стала ориентация советских (российских) исследователей на концепцию социальной структуры. Методология социологического реализма до известных пределов была отражена в трудах П.А. Сорокина (1880–1968), в разработанной им теории социальной стратификации, в основе которой лежат экономический, политический и профессиональный статусы. В своей работе «Социальная мобильность» он обратил внимание на перемещение людей в обществе как в горизонтальном направлении (миграция, смена профессии), так и в вертикальном (изменение социального статуса). Эти перемещения по-разному осуществляются в различных типах общества, но они составляют суть жизни такого живого социального организма, как общество. П.А. Сорокиным были также проанализированы социально-культурные факторы в развитии человечества, высказаны идеи о теории кризисов, о направлениях духовной интеграции и множество других оригинальных интерпретаций социальной реальности (проблемы войны, города) [14].

Эта приверженность анализу общества с позиций социальной структуры нашла развитие в трудах М.Н. Руткевича [13], З.Т. Голенковой [15], Л.А. Беляевой [16], Н.Е. Тихоновой [17] и др.

Следовательно, если рассмотреть все теории и концепции, причастные к методологии социологического реализма, то можно утверждать, что они изучали общество посредством исследования общества как единого целого, а также социальных систем, социальных структур в основном с точки зрения их организации и функционирования и нередко вне процессов их эволюции. Но уже на грани XIX–XX вв. было установлено (Э. Дюркгейм, М. Вебер), что ориентация на исследование преимущественно структур (систем) неэвристична, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его развитие и эволюцию. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Кроме того, рассуждения о социальных системах (а под ними стали пониматься не только взаимоотношения и взаимодействия людей, но и более широкая совокупность общественных процессов – вплоть до человечества в целом) породили философические концепции социологии, оживили никогда не исчезавшую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкторы, которые или не имеют отношения к повседневной действительности, или слишком абстрагируются от нее.

Как показало время, трактовка социологии только на уровне категории «общество» и его производных не отвечает на многие вопросы: понятийный аппарат «плывет», включает в себя слишком разные сущности, а многие из них размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют первоначальный смысл. Мало способствует этому и модификация представлений об обществе посредством и в виде представлений о социальной структуре, социальных отношениях как определяющих объект и предмет социологии. Ведь даже такое классическое понятие, как «социальная структура», в настоящее время мало что выражает, ибо: а) многие ее элементы в современной ситуации исчезают; б) ряд ее элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные феномены. Такие, казалось бы, классические понятия, как «рабочий», «крестьянин», приобрели неустойчивость, аморфность, ибо в зависимости от изменившейся жизни, от разного социально-экономического положения, от перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли свою сущностную основу настолько, что говорить о каких-то содержатель-

ных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX вв. было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования еще в 1970-е гг. (а тем более в 1990-е гг.), многие черты сознания и поведения людей из различных страт могут быть ближе друг к другу, чем эти же черты внутри одной и той же социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни многих социально-профессиональных групп могут быть настолько различны, что теряет смысл объединить их в какое-то заранее зафиксированное, формализованное понятие: ведь в составе этих групп могут быть (и есть) огромные различия по материальному состоянию, по их месту в структуре разделения труда, по их целям, ценностям, потребностям и интересам, что делает их (по существу) несводимыми к одним и тем же однородным показателям [18]. В этой ситуации возникает вопрос: что будет выступать реальной социальной силой – профессиональные группы или носители одного (сходного) мировоззрения, но представляющие разные социальные сообщества? Ответ очевиден, что объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и стремление их реализовать.

Социологический реализм как методологическая стратегия никак не объясняет тот социальный факт, как человек, люди попадают в эти социальные системы, социальные структуры, социальные институты и другие социальные образования. Ведь, явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение в большинстве случаев заранее не предопределено: оно зависит как от объективных обстоятельств, так и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. Надо изменить единичное, чтоб изменить общее, причем желательно путем постепенных преобразований, утверждал К. Поппер [19]. То, что социальные структуры, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда эти структуры и общности «плывут», не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позицию французского социолога А. Турена, который подверг резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества [20].

Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство – социальные системы и общности – очень «нехороший» объект для сравнительных кросс-культурных (международных, межстрановых) исследований, так как они настолько различны в своем содержательном облике, что при их сравнении сразу же возникает вопрос о достоверности получаемой и сравниваемой информации.

И, наконец, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации – человеку, что предполагает анализ не столько каких-то систем или структур, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, и сами системщики, работающие на эмпирическом уровне, именно так и поступают, обращаясь главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей.

Таким образом, центральное понятие социологического реализма – «общество» и его производные – «социальная структура», «социальные системы», «социальные институты» – является важной, но серьезно ограниченной областью получения социологического знания.

Социологический номинализм

Практически одновременно с социологическим реализмом возникла противостоящая ему парадигма – социологический номинализм, основы которого заложил А. Кетле: исходит из того, что подходить к анализу общества нужно не с рассмотрения общества как некой целостности, а с анализа человека, людей, его составляющих, их жизнедеятельности, их сознания и поведения. Он обосновал концепцию, центральной идеей которой является статистически «средний человек». Повидимому, не зная о концепции О. Конта, он утверждал, что «при увеличении числа подвергающихся наблюдению индивидуумов исчезают физические и нравственные индивидуальные особенности и на первый план выдвигаются те главные факты, в силу которых общество существует и сохраняется» [21, с. 35]. Иначе говоря, по его мнению, именно люди создают общество и именно изучение их жизни и дает ответ на то, что собой представляет то или иное общество.

Этот принцип в познании общества разделял и другой статистик Ф. Ле Пле (1806–1882). Но если Кетле оперировал данными по народонаселению, то Ле Пле занимался исследованиями семьи. Именно он, изучая семью по 20 показателям, предложил метод восхождения от простого к сложному – от человека, семьи к характеристике всей социальной реальности, всего общества. Его основными способами получения информации были личные наблюдения и свободные интервью. На основе изучения семей он как организатор и консультант по горному

делу сделал общетеоретические выводы, доказывая, что семье принадлежит решающая роль в формировании облика общества [21, с. 38].

Однако социологический номинализм в XIX в. значительно уступал по своему влиянию и воздействию социологическому реализму, тем более что прикладные, эмпирические, статистические методы в основном развивались не теми, кто называл себя социологами, а их коллегами из других социальных наук. Хотя справедливости ради следует отметить, что и сторонники социологического реализма подходили к изучению конкретных проблем общества, доходя до признания роли и значимости эмпирических исследований. Так, известна «Анкета рабочего» К. Маркса, которую он планировал запустить среди рабочих ряда предприятий Англии.

Однако эта методология – социологический номинализм – была в полной мере востребована социологами только в XX в. Развита и обоснованная М. Вебером, Э. Дюркгеймом, представителями русской социально-психологической (органической) школы конца XIX – начала XX в., эта концепция обращается к человеку, ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит процессам взаимодействия людей, процессам их интеграции и дифференциации. Сторонники этой парадигмы в центр своего анализа ставят человека, личность, считая его основным понятием социологии. В этой ситуации мы сталкиваемся с восхождением от абстрактного к конкретному с последующей корректировкой представлений об абстрактном. Именно анализ такого феномена – «человек в обществе» – позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе.

Основы этого подхода были заложены бихевиоризмом, начала которого были разработаны Э.Л. Торндайком, обосновавшим закон эффекта: вознаграждаемое поведение имеет тенденцию повторяемости, а не вознаграждаемое – к прекращению. Эти идеи в дальнейшем существуют в основном в двух версиях – теориях социального обмена и символического интеракционизма [10].

Олицетворяя социологический номинализм, такие яркие последователи теории социального обмена, как Дж. Хоманс (1910–1989) и П. Блау (1918–2002), исходили из примата человека, а не системы. Они провозгласили огромную значимость социально-психических качеств человека, ибо для того, чтобы объяснить поведение людей, необходимо знать их душевные состояния.

В поиске выхода из противоречий бихевиористского подхода представители символического интеракционизма стали интерпретировать поведение людей с точки зрения того значения, которое личность

или группа придает тем или иным аспектам ситуации. Дж.Г. Мид (1863–1931) как основатель теории символического интеракционизма, называя себя социальным бихевиористом, сосредоточил внимание на исследовании процессов «внутри» поведения как целого. Если в последовательном бихевиоризме человек находился под управлением окружающей среды, то в центре внимания Мида – активный, разумный, деятельный субъект. Мид ввел понятие индивидуальной перспективы, предпосылкой которой является социальная свобода [11].

Сторонники этого подхода (Г. Блумер (1900–1987), С. Лаймон (1933–2003) и др. огромное значение придавали языковой символической структуре. Для них характерно представление о деятельности как совокупности социальных ролей, которая олицетворяется в виде языковых и других символов, что послужило основанием для обозначения этого направления как ролевой теории.

Впоследствии эта теория – символический интеракционизм – подверглась критике из-за того, что центральной его идеей является субъективизм. В то же время эта теория, отвергая психоанализ, пренебрегает исследованием биологических, генетических факторов, мало уделяет внимания проблемам бессознательного, в результате чего затрудняется познание «движущих сил» человеческого поведения (мотивов, ценностей, установок). В качестве продолжения и развития этой концепции предстает выдвинутая Р. Коллинзом теория интерактивных и ритуальных целей [22].

Особенность феноменологической социологии как последовательного выразителя идей социологического номинализма заключается в том, что она свое начало берет от философской концепции Э. Гуссерля (1859–1938), на основе которой возникла социология повседневности, обоснованная в трудах австрийского философа А. Шюца (1899–1959).

В центре внимания сторонников феноменологического подхода оказывается не мир в целом, как у позитивистов, а человек в его специфическом измерении. Социальная реальность, по их мнению, не есть некоторая объективная данность, которая находится вне субъекта и только потом посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. У феноменологов социальная реальность представлена и выражена в коммуникации посредством образов и понятий. Социальные события, по их мнению, лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. Поскольку мнения образуют социальный мир, постоль-

ку понятие «значение» оказывается в центре внимания феноменологически ориентированных социологов.

В объективно ориентированной социологии значение отражает некие определенные связи реального мира. В феноменологической трактовке значение выводится целиком из сознания субъекта [23].

Социальная реальность, возникающая в процессе коммуникации, по мнению феноменологов, состоит из объяснения и приписывания мотивов поведения участникам коммуникативного акта, т.е. то или иное представление, понимание социальной реальности зависит в первую очередь от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия.

Но от чего зависит различие одного и того же поступка, действия у разных людей? Почему они понимают действия одних и не понимают действия других? Почему люди вообще нередко не всегда понимают друг друга? Феноменология не дает ответа на этот вопрос, она лишь констатирует, что существуют некоторые параметры, лингвистические и нелингвистические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации.

В рамках феноменологической концепции сложились две крупные школы, отражающие установки социологического номинализма, – социология знания и этнометодология (последний термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином «этнонаука» – зачаточные знания в примитивных обществах).

Что касается социологии знания, то она представлена К. Манхеймом (1893–1947), обращавшим внимание на изучение тех структур, в которых так или иначе присутствуют взаимосвязи мышления и общества. Именно с этих позиций он подходил к трактовке идеологии, истины, роли интеллектуальной жизни [24]. Эти идеи были развиты П. Бергером (р. 1929), который стремился обосновать необходимость «узаконивания» символических универсалий общества, ибо внутренняя нестабильность человеческого организма требует «создания самим человеком устойчивой жизненной среды» [25].

Г. Гарфинкель (1917–2011), будучи одним из самых ярких и последовательных представителей этнометодологии, сформулировал ее программное положение: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении». В соответствии с этим основная задача социологии – выявление рациональности обыденной жизни, которая противопоставляется научной рациональности. По его мнению, нужно концентрировать внимание на исследовании единичных актов

социального взаимодействия, отождествляя его с речевой коммуникацией [26].

Конечно, этими концепциями и именами не ограничивается круг мыслителей, которые исповедовали принципы социологического номинализма. Среди других социологов, которых можно отнести к приверженцам этой методологии, можно назвать Л. фон Визе (1876–1969), автора книги «Система общей социологии» (1933), посвященной исследованию всеобщих форм социальных явлений. Подвергнув критике понятие «общество» как фикцию, он сосредоточил внимание на познании «социального» или «межчеловеческого» в рамках форм отношений типа «я – ты» и «я – мы», к которым относятся взаимоотношения людей.

Значительное место в новых поисках истины заняли труды З. Баумана (р. 1925). Он обогатил социологию анализом малоисследованных факторов жизни человека, латентных модернистских и постмодернистских процессов, которые касались проблем индивидуализации, трудовых отношений, гендера [27].

Еще большую определенность в ориентации на человека в совокупности всех его взаимосвязей как основной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ» [28].

Причем эта ориентация на человека все больше и больше усиливается. Показательно, что такой известный политический деятель, как З. Бжежинский (1999), убежден, что человечество все больше сталкивается с необходимостью «личностного измерения человеческой жизни» и что в связи с этим мы стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми». Однако вопрос состоит в том, чтобы не абсолютизировать субъективное восприятие человеком явлений и процессов окружающего его и объективно существующего мира.

Неудовлетворенность этими сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии, как, например, драматургическая социология, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др. [11].

Конструктивистская парадигма как новаторская методологическая стратегия

Эта методология, возникшая в XX в., учитывает достижения, особенности и ограничения социологического реализма и номинализма и

предлагает еще одну стратегию, которая органически учитывает все многообразие социальной реальности, социальной жизни людей.

Сторонники социологического реализма, для которых исходным понятием (категорией) были «общество» или его производные («системы», «структуры», «институты» и др.), в той или мере все же отдавали предпочтение объективным показателям, подчиняя жизнь людей таким независимым переменным, как экономический и политический строй общества. Человек рассматривался как производное от этих реалий. Последователи же социологического номинализма преувеличивали значение субъективного фактора, абсолютизировали его возможности по воздействию на общество, окружающую действительность.

Суть же социологического конструктивизма состоит в том, что он анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь во всем ее многообразии. При конструктивистском подходе существенными оказываются модусы времени – прошлое, связанное с категорией «значение»; настоящее, представленное в ценности; будущее, выраженное в цели. Такой подход реализует единство и взаимосвязь объективного и субъективного, макро-, мезо- и микроанализ социальной реальности, объективно-предметный и субъективно-ценностный подходы.

Оценку значения прошлого, роли преемственности и ее учета в конструировании реальности все больше учитывали социологи XX в. Более того, именно на учете прошлого и его тесной увязке с настоящим возникло целое направление в социологии – историческая социология, суть которой сводилась к установлению единства прошлого и настоящего, что позволит точнее и обоснованнее прогнозировать будущее, характеризовать и выявлять тенденции [29–31]. В своих исследованиях представители исторической социологии рассматривали совокупность субъективных факторов и объективных условий как единство, отражающее традиции и новаторства в их органической взаимосвязи. «Идеи и культуры не меняют ход истории – по крайней мере в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании – в системе ценностей и моральном обосновании – толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов» [32].

На наш взгляд, в подготовке методологии социологического конструктивизма определенную роль сыграла теория социального конфликта, которая создавалась в ходе критики структурного функционализма и во многом ориентировалась на то, чтобы понять причины конфликтов, т.е. максимально точно разобраться с прошлым. В основе развития, утверждал Ч.Р. Миллс (1916–1962), лежит конфликт, а не кон-

формизм, согласие или интеграция. Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами, преследующими те или иные интересы. Более того, опираясь на идеи К. Маркса, М. Вебера, В. Парето и Г. Моски, Миллс утверждал, что прошлое, наследие должно рассматриваться как условие и предпосылка того, к чему стремятся люди. Другой конфликтолог Р. Дарендорф (1929–2009) считал, что в основе конфликтов лежат как экономические, так и политические причины. Ранжируя конфликты (конфликты противников одного ранга, противников, находящихся в отношении подчинения, целого и части), он получил 15 типов и подробно рассмотрел возможность их «канализации» и регулирования.

Американский социолог Л. Козер (1913–2003) определял социальный конфликт как явление, отражающее устремления и чувства социальных групп или индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т.п., т.е. попытался соединить анализ субъективных факторов и объективных условий.

Большинство представителей этого направления – Р. Коллинз (р. 1941) и Л. Крисберг (р. 1926) – подчеркивают ценность конфликтов, которые предотвращают окостенение общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития и совершенствования. Вместе с тем эта позиция отвергает стихийность конфликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования [33].

Что касается модуса – настоящее – то его роль в конструктивистском подходе сводится к ориентации на ценности, ценностные установки, на учет предпочтений и ценностных суждений. Так, получила распространение концепция французского социолога П. Бурдьё (1930–2002), настаивавшего на важности изучения социального поля, социального пространства, социального капитала и логики их развития. По его мнению, социолог различает: а) свое видение пространства; б) его социальное значение. Бурдьё полагал, что основа основ в социологии – связь габитуса с полями (габитус трактуется им как система долговременных индивидуальных и групповых установок, ориентаций, функционирующих как матрицы восприятия, постановки социальных целей, действий и поведения) [34].

В настоящее время наиболее наглядно оценка настоящего выражена во всемирном исследовании ценностей (World Value Survey), охватившем 97 стран [35].

Говоря о модусе «будущее», социологический конструктивизм ориентируется на творческий, креативный потенциал, на созидательные силы, которые имеются в каждом обществе. Особенно привлекательными для становления концепции социологического конструктивизма становятся идеи человека как активного социального субъекта (актора), под воздействием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в мезо- и микроэкономическом плане. Эти идеи в той или иной мере рассматривались в трудах Э. Гидденса и Дж. Ритцера, которые стремились в трактовке проблем общественного развития «данное», «естественное», «необходимое» соединить воедино с анализом перспектив развития при органическом учете как объективных условий, так и субъективных факторов. Несколько идей, которые были обоснованы школами активизма, достаточно тщательно разрабатывали проблемы поведения людей в условиях определенной окружающей среды. По мнению французского социолога А. Турена (р. 1925), главная проблема состоит в изменении предмета исследования и исследовательских ориентаций. Он считал, что если в 1960-е гг. вся проблематика сосредоточивалась вокруг понятия социальной системы, то теперь – вокруг деятеля (актора) и его действий. В российской социологии также появилось обоснование идей активизма, что выразилось в анализе деятельностного подхода, креативности и нелинейности [11, 36, 37].

Но особую роль в обосновании будущего сыграли разработчики проблем управления. Именно те, кто стоял у истоков теорий научного управления и производных от них концепций (Ф. Тейлор, Г. Форд и др.), не употребляя понятие «конструирование», по сути говорили о том, как сознательно воздействовать на окружающую реальность, чтобы добиться реализации поставленных целей, что было возможно только при тщательном и продуманном учете объективных условий и субъективных факторов [38]. О том, чтобы конструировать настоящую и будущую реальность, особенно настойчиво стали говорить в 1930–1940 гг. [39]. Что касается современных концепций управления, то в них обращают пристальное внимание на роль индивида в рамках происходящей глобализации, модернизации и на поиск (иначе говоря, стратегических и тактических целей) по выходу из специфических обстоятельств современного финансово-экономического и политического кризиса.

Теоретическая концепция социологии жизни

Анализ модусов прошлого, настоящего и будущего в социологическом конструктивизме позволяет сделать вывод, что в историческом плане Вебер одержал победу над Дюркгеймом. Классический подход, в рамках которого социология понимается как наука о социальных си-

стемах, социальных структурах, почти исчез. Влияние наиболее видных представителей этой традиции – Парсонса и Мертона – ослабло. Соответственно, изменился и категориальный аппарат: «социальные системы», «социальные институты», «социальная структура», «интеграция» не являются больше центральными социологическими понятиями.

Постепенно приобретают все большее значение такие понятия, как «социальная жизнь», «социальная реальность» и производные от них – «кризис» и близкие к нему категории – «турбулентность», «риск», «деорганизация», «насилие», «хаос». В этих условиях, когда в центр внимания ставится задача охарактеризовать социальную реальность, социальный мир, теоретическую и эмпирическую значимость приобретают сознание и поведение человека, его отношение и реакция на изменения своего статуса, своего места не просто как отдельного индивида, а как члена определенной социальной группы (сообщества, класса), представителя определенного общества, а также одновременный анализ общественной среды (макро-, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека.

Все это позволяет сделать вывод, что такой подход образует новую теоретическую концепцию – социологию жизни, органически сочетающую в себе реально функционирующие взаимоотношения общества и человека. В XX в. все больше социологов «стали разделять направленность на интеграцию объективного и субъективного компонентов» в исследовании социальной реальности [40].

Впервые этот термин – «социология жизни» – применил в XIX в. французский социолог Ж.М. Гюйо (1854–1888). Он выдвинул положение, согласно которому «реальная жизнь» была провозглашена центральным понятием социологии. В соответствии с этим Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается все многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами.

Социология (как и любая другая наука) призвана предлагать свои модели, изучая фрагменты, части объективной реальности. В настоящее время в реальной жизни социолог встречается не со структурами, системами, институтами, а с сознанием и поведением людей, анализ которых приводит к познанию различных форм организации общественной жизни – институциональной, стратификационной, управленческой и др. Все это позволяет сделать вывод, что конструктивистская стратегия, выраженная в концепции социологии жизни, преодолевает крайности в трактовках сути социологии, оперируя понятиями социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью, измеряемую посредством анализа сознания, поведения и окружающей среды.

Литература

1. Общая социология / под ред. А.Г. Эфендиева. М., 2000.
2. Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2004.
3. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998.
4. *Parsons T., Shils E.A.* Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1951.
5. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
6. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии / пер. А. Г. Чернякова. СПб., 2001.
7. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
8. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина. СПб., 2001.
9. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
10. *Кулыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
11. *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2007.
12. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2014.
13. *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001.
14. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
15. Социальная стратификация российского общества / под ред. З.Т. Голенковой. М., 2003.
16. *Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004.
17. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
18. *Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р.* Социальные перемещения. М., 1970.
19. *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 2. М., 1992.
20. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии : пер. с фр. М., 1998.

References

1. Obshhaya sociologiya / pod red. A.G. Yefendieva. M., 2000.
2. Razvitie sociologii v Rossii (s momenta zarozhdeniya do konca HH veka) / pod red. E.I. Kukushkinoy. M., 2004.
3. *Parsons T.* Sistema sovremennyh obshhestv / per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva; pod red. M.S. Kovalevoy. M., 1998.
4. *Parsons T., Shils E. A.* Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1951.
5. *Merton R.K.* Social'naya teoriya i social'naya struktura. M., 2006.
6. *Haydegger M.* Osnovnye problemy fenomenologii / per. A. G. Chernyakova. SPb., 2001.
7. *Fuko M.* Slova i veshhi. Arheologiya gumanitarnykh nauk. SPb., 1994.
8. *Vallerstayn I.* Analiz mirovykh sistem i situaciya v sovremennom mire / per. s angl. P.M. Kudyukina. SPb., 2001.
9. *Bek U.* Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M., 2000.
10. *Kulygin V.P.* Klassicheskaya sociologiya. M., 2000.
11. *Kravchenko S.A.* Sociologiya: paradigmny cherez prizmu sociologicheskogo voobrazheniya. M., 2007.
12. *Kirdina S.G.* Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. M., 2014.
13. *Rutkevich M.N.* Obshhestvo kak sistema. Sociologicheskie ocherki. SPb., 2001.
14. *Sorokin P.A.* Chelovek. Civilizaciya. Obshhestvo. M., 1992.
15. Social'naya stratifikaciya rossiyskogo obshhestva / pod red. Z.T. Golenkovoy. M., 2003.
16. *Belyaeva L.A.* Empiricheskaya sociologiya v Rossii i Vostochnoy Evrope. M., 2004.
17. *Tihonova N.E.* Faktory social'noy stratifikacii v usloviyah perehoda k rynochnoy yekonomike. M., 1999.
18. *Rutkevich M.N., Filippov F.R.* Social'nye peremeshheniya. M., 1970.
19. *Popper K.* Otkrytoe obshhestvo i ego vragi : v 2 t. T. 2. M., 1992.
20. *Turen A.* Vozvrashhenie cheloveka deystvuyushhego. Ocherk sociologii : per. s fr. M., 1998.

21. *Латин Н.И.* Эмпирическая социология в Западной Европе : учеб. пособие. М., 2004. 122 с.
22. *Коллинз Р.* Четыре социологические традиции. М., 2009. 320 с.
23. *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959.
24. *Мангейм К.* Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000.
25. *Бергер П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
26. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
27. *Бауман З.* Индивидуализированное общество : пер. с англ. М., 2002.
28. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерки теории структуризации. М., 2003.
29. *Smith D.* The Rise of Historical Sociology. Cambridge, 1991.
30. *Kent S.* Historical Sociology // Encyclopedia of Sociology. Vol. 2. N.Y., 1992.
31. *Романовский Н.В.* Историческая социология. М., 2009.
32. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1998.
33. *Соколова Г.Н., Титаренко Л.Г.* Современная западная социология : хрестоматия. Минск, 2008.
34. *Бурдьё П.* Начала / пер. с фр. А.В. Шматко. М., 1994.
35. *Инглхарт Р.Ф.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011. 464 с.
36. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
37. *Волков Ю.Г.* Креативное общество. М., 2014.
38. *Тошченко Ж.Т.* Социология труда: опыт нового прочтения. М., 2005.
39. *Myrdal G.* An American Dilemma. The Negro Problem and Modern Democracy. Harper and Brothers Publishers. 1944.
40. *Тошченко Ж.Т.* Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 145–147.
21. *Lapin N.I.* Empiricheskaya sociologiya v Zapadnoy Evrope : ucheb. posobie. M., 2004. 122 s.
22. *Kollinz R.* Chetyre sociologicheskikh tradicii. M., 2009. 320 s.
23. *Karnap R.* Znachenie i neobhodimost'. M., 1959.
24. *Mannheym K.* Izbrannoe: Sociologiya kul'tury. M.; SPb., 2000.
25. *Berger P.* Priglasenie v sociologiyu. Gumanisticheskaya perspektiva. M., 1996.
26. *Garfinkel' G.* Issledovaniya po etnometodologii. SPb., 2007.
27. *Bauman Z.* Individualizirovannoe obshhestvo : per. s angl. M., 2002.
28. *Giddens Ye.* Ustroenie obshhestva: Ocherki teorii strukturacii. M., 2003.
29. *Smith D.* The Rise of Historical Sociology. Cambridge, 1991.
30. *Kent S.* Historical Sociology // Encyclopedia of Sociology. Vol. 2. N.Y., 1992.
31. *Romanovskiy N.V.* Istoricheskaya sociologiya. M., 2009.
32. *Bell D.* Gryadushhee postindustrial'noe obshhestvo. M., 1998.
33. *Sokolova G.N., Titarenko L.G.* Sovremennaya zapadnaya sociologiya : khrestomatiya. Minsk, 2008.
34. *Burd'e P.* Nachala / per. s fr. A.V. Shmatko. M., 1994.
35. *Inglhart R.F.* Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. M., 2011. 464 s.
36. *Yadov V.A.* Sovremennaya teoreticheskaya sociologiya kak konceptual'naya baza issledovaniya rossiyskikh transformaciy. SPb., 2006.
37. *Volkov Yu.G.* Kreativnoe obshhestvo. M., 2014.
38. *Toshhenko Zh.T.* Sociologiya truda: opyt novogo prochteniya. M., 2005.
39. *Myrdal G.* An American Dilemma. The Negro Problem and Modern Democracy. Harper and Brothers Publishers. 1944.
40. *Toshhenko Zh.T.* Paradigmy, struktura i urovni sociologicheskogo analiza // Sociologicheskie issledovaniya. 2007. № 9. S. 145–147.